

Роберт Стивенсон

Павильон на холме

Новые тысячи и одна ночь

Роберт Льюис Стивенсон

Павильон на холме

«Public Domain»

1878

Стивенсон Р.

Павильон на холме / Р. Стивенсон — «Public Domain»,
1878 — (Новые тысячи и одна ночь)

«Я был чрезвычайно нелюдим с самого детства. Помню, даже гордился тем, что держусь от всех в стороне и ни в чьем обществе не нуждаюсь. Могу прибавить, что не имел ни друзей, ни знакомых — постоянных, хороших знакомых. Впервые я познал, что такое дружба и любовь лишь тогда, когда встретился с той, которая стала моей женой и матерью моих детей. За всю свою юность я только с одним сверстником находился в сравнительно хороших отношениях. Это был Р. Норсмаур, с которым мне пришлось учиться вместе. Тут же добавлю, что происходил он от шотландского дворянского рода, — а это давало ему право на титул эсквайра, — и обладал небольшим поместьем в Граден-Истере, в северной части побережья Немецкого моря...»

© Стивенсон Р., 1878

© Public Domain, 1878

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Роберт Стивенсон

Павильон на холме

* * *

Глава I

Повествует о том, как я, кочуя, попал в Граденский лес и увидел свет в павильоне

Я был чрезвычайно нелюдим с самого детства. Помню, даже гордился тем, что держусь от всех в стороне и ни в чьем обществе не нуждаюсь. Могу прибавить, что не имел ни друзей, ни знакомых – постоянных, хороших знакомых. Впервые я познал, что такое дружба и любовь лишь тогда, когда встретился с той, которая стала моей женой и матерью моих детей.

За всю свою юность я только с одним сверстником находился в сравнительно хороших отношениях. Это был Р. Норсмаур, с которым мне пришлось учиться вместе. Тут же добавлю, что происходил он от шотландского дворянского рода, – а это давало ему право на титул эсквайра, – и обладал небольшим поместьем в Граден-Истере, в северной части побережья Немецкого моря.

Мало в чем мы походили друг на друга, и никогда не было между нами сильной, искренней дружбы, но все же нас сблизило какое-то родство настроений, которое сделало наше общение не только возможным, но даже не лишенным удовольствия и некоторых удобств. Разумеется, мы называли себя мизантропами, – чуть ли не объявляли себя ненавистниками всего рода людского, – на самом же деле, как я потом понял, мы были только капризные, угрюмые, надутые юнцы.

Даже товарищами нельзя было нас назвать: мы просто жили бок о бок, не мешая друг другу.

Главной чертой характера Норсмаура являлась его неимоверная запальчивость. Она-то и препятствовала ему ладить с кем-либо, кроме меня; мне же, моим привычкам и поступкам, он не мешал, и я мог спокойно выносить его присутствие.

Кажется, мы звали друг друга друзьями.

Когда Норсмаур кончил курс и получил диплом, а я решил выйти из университета без диплома, он пригласил меня на долгую побывку в его Граденское поместье, и я тогда познакомился с местом моих позднейших приключений.

Граденское имение расположено на пустынной и мрачной полосе морского побережья. Господский дом был похож на огромный барак или старинную казарму.

Стены казались наполовину разъеденными и разваливающимися, так как они были построены из мягкого камня, легко разрушающегося от едкого приморского воздуха и резких его перемен. Внутри же было положительно сыро. Обоим нам, – молодым джентльменам, привыкшим к комфорту городской жизни, – показалось невозможным тут жить, и мы тотчас принялись за поиски более удобного помещения.

Мы быстро нашли то, что нам было нужно. В северной части имения, в диком ландшафте старых дюн, уже покрывшихся травой и деревьями, но еще соседствующих с холмами голого, сыпучего песка, оказался небольшой двухэтажный павильон, выстроенный недавно и уже в новом стиле, он как раз подошел к нашим вкусам.

В этом одиноком домике мы провели с Норсмауром целых четыре зимних, ненастных месяца, много читая, но мало разговаривая и встречаясь друг с другом почти исключительно в часы принятия пищи. Вероятно я и больше бы здесь прожил, но в один мартовский вечер мы совершенно неожиданно, в первый раз в жизни, поссорились. Помню, в пылу спора, Норсмаур не в меру повысил голос, а я, надо полагать, в долгу не остался и уязвил его колкой фразой.

Вдруг Норсмаур вскочил со своего стула и бросился на меня с такой стремительностью, что я еле успел стать в оборонительное положение. Пришлось, говоря без преувеличения, бук-

важно защищать свою жизнь. Мы были почти равной силы, и он нападал с такой яростью, точно черт в него вселился. С величайшим трудом удалось его усмирить.

На следующее утро мы встретились так, как встречались каждое утро, как ни в чем не бывало, но я счел более деликатным, – да признаться, и более благоразумным, – заявить ему, что уезжаю. Он меня не удерживал, и я в тот же день уехал.

Девять лет спустя я снова очутился недалеко от Граден-Истера.

Я путешествовал тогда по Англии в одноконной телеге, с походной палаткой и небольшой переносной печкой для моей незатейливой кухни. Сам я целый день шел пешком около телеги. Вечером я распрягал лошадь и устраивал ночевку, по возможности в уединенном месте, в какой-нибудь ложбинке между холмами или в кустах, если только вблизи не было леса.

Кочуя таким образом, как цыган, я посетил самые безлюдные и дикие области Англии и Шотландии. Никто не беспокоил меня письмами, так как я по-прежнему оставался без друзей и знакомых, а теперь, даже без постоянной или хотя бы «главной квартиры», если не считать таковой контору моего поверенного, от которого я два раза в год получал нужные мне деньги из моего годового дохода.

Этот образ жизни я считал верхом блаженства и совершенно серьезно думал, что весь свой век проживу в вольных кочевках, пока не стукнет смертный час, и я свалюсь в какую-нибудь придорожную канаву.

Больше всего меня занимало в кочевках, больше всего заботило – это отыскать самые дикие, совсем безлюдные закоулки, где бы я мог поставить свою палатку на несколько дней, пока мне не вздумается тронуться дальше, без опасения каких-либо помех и главное без риска знакомств.

И вот однажды, находясь в Шотландии, на берегу Немецкого моря, я вдруг вспомнил о павильоне Норсмаура, о диких дюнах и голых песчаных холмах вокруг. Вспомнил, что ближайшая от него проселочная дорога проходила мили за три, а первое от него поселение – маленькая рыбацкая деревушка – милях в шести или семи. Вспомнилась пустынная песчаная полоса, тянувшаяся около десяти миль, вдоль моря, безлюдный, отлогий берег, к которому даже большая лодка не может подойти, вследствие ничтожной глубины воды. Вряд ли во всем Соединенном королевстве найдется другое место, где можно было бы лучше скрыться от людей. Я решил немедленно отправиться в Граден-Истер и провести целую неделю в лесу, примыкающем там к дюнам. После продолжительного перехода я добрел до павильона в ненастный сентябрьский день, как раз к закату солнца.

Я уже говорил, что местность около павильона состояла из раскиданных вперемежку песчаных бугров и так называемых линксов, то есть тех же несчастных бугров, но уже окрепших и поросших зеленью. Сам павильон стоял на ровном месте, немного позади начинался лес густой каймой бузиновых деревьев, точно повалившихся друг на друга из-за постоянных ветров, впереди, между фасадом павильона и морем, было только несколько низких песчаных холмов. К северу, на берегу выступала массивная каменная ограда, служившая защитой от песка, вследствие чего береговая линия образовывала здесь песчаную косу между двумя бухточками. Во время прилива вся коса заливалась водой, кроме каменной ее оконечности, которая тогда выступала маленьким, но ясно обозначенным островком, при спаде же воды простирался на очень большое расстояние подвижный, засасывающий песок. Это была Граденская «топь», пользовавшаяся самой плохой репутацией во всей округе. Говорили, что пески, между островком и пляжем, могут засосать человека в четыре с половиной минуты, но такое утверждение, надо полагать, вряд ли было основано на точных примерах. Тем не менее, топь оставалась топью.

Главными обитателями Граден-Истера были дикие кролики и морские чайки, последние летали несметными стаями и с утра до вечера наполняли воздух гамом. В летние дни ландшафт, вероятно, не лишен красок и, быть может, даже приветливости, но в сумерках ненаст-

ного сентябрьского дня, ветреного и холодного, при унылом гуле морского прибоя, он наводит мысли лишь на кораблекрушения и гибель моряков. Как нарочно, при моем прибытии такое внушение усиливалось зрелищем на горизонте небольшого судна, тяжело лавировавшего против ветра, а вблизи берега – заливался волнами полуразрушенный остов затонувшей и затянутой песком рыбацкой баржи.

Павильон был итальянского стиля, в два этажа; его построил предыдущий собственник имения, дядя Норсмаур, очень щедрый, но бестолковый любитель искусства. Вокруг павильона была разделана ровная площадь для сада, но принялись только немногие грубые цветы, теперь одичалые. Ставни во всех окнах были наглухо заколочены, и павильон вообще выглядел не как дом, недавно оставленный жильцами, а как ненужная постройка, в которой никто не обитал. Норсмаур, по крайней мере, никогда не бывал в своем имении.

– Где он теперь? – подумал я, и в голове мелькнул его образ. – Валяется в каюте своей яхты – надутый, сердитый? Или вдруг снова появился в лондонском высшем свете, и все заговорили о его сумасбродных выходках, а он опять внезапно исчез?

Я оглянулся кругом.

Местность имела такой дикий вид, а в трубах мертвого дома, при порывах ветра, завывало так сильно, так странно, что даже я, – добровольный скиталец и отшельник, почувствовал что-то вроде страха и, схватив лошадь за уздцы, быстро повел телегу к лесу, точно мне нужно было бежать, от чего-то спастись.

Граденский лес был искусственного происхождения, его когда-то насадили для защиты посевов от морского ветра и песка. По мере удаления от моря бузина сменялась другими низкорослыми деревьями и густым кустарником. Растительность здесь выдерживала тяжелую борьбу за существование. Деревья целыми сутками расшатывались жестокими зимними бурями, а ветра в этой местности вообще так сильны, что листва деревьев нередко отлетает еще весной. Внутри леса почва постепенно поднималась, образуя небольшой лесистый холм, который вместе с островком береговой косы, служил приметой для рыбаков. Когда холм открывался на север от островка, надо было держать курс круто на восток, чтобы не наскочить на Граденские отмели и камни. В низменной части леса протекал ручей, и он засорялся до такой степени падающими листьями и им же наносимой тиной, что местами распадался на маленькие озерки, болота и лужи. Разумеется, в этом лесу никто не жил. Сохранились лишь развалины от двух небольших домов. По рассказам Норсмаура, эти дома были построены монахами и в давние времена служили обителью для благочестивых отшельников. Мне, однако, удалось найти нечто вроде жилища – пещеру, или, точнее, довольно большую выемку в подъеме холма; тут же пробивался ключ свежей и чистой воды. Здесь я поставил свою палатку и развел костер для приготовления ужина. Для лошади нашелся свежий корм недалеко от стоянки. Должен еще добавить, что выступы «пещеры» не только скрывали свет моего огня, но и защищали от ветра, который к ночи стал еще холоднее и сильнее.

Кочевая жизнь давно меня закалила от невзгод и лишений, приучила к умеренности в еде и вообще во всем образе жизни. Я ничего не пил, кроме воды, и очень редко ел кушанья из более дорогого продукта, чем овсяная мука: я пек лепешки из нее и запивал их или жидкой овсянкой, или водой. Спал я совсем мало: всегда до света я был уже на ногах, а вечером бодрствовал очень долго при свете звезд и даже в полной темноте.

Поэтому, хотя я в этот день, после продолжительного перехода с прежней стоянки, лег рано, около восьми вечера, и сразу заснул, уже в одиннадцать я проснулся, совершенно бодрый, не чувствуя никакой усталости.

Я присел к теплившемуся еще костру. Сквозь деревья виднелись несшиеся в беспорядке облака, они то сталкивались и сливались, то расходились и разрывались, принимая все новые, фантастические формы; со стороны моря доносилось завывание ветра и шум разбивавшихся волн. Скоро, однако, меня утомило бездействие, и я решил прогуляться к дюне. Молодой

месяц, погруженный в ночной туман, близился уже к закату и еле освещал путь между деревьями, стало немного светлее, лишь когда я вышел из леса. Тут меня остановил ветер с резким соленым запахом открытого моря и частицами песка, бившими в лицо. Я только собирался осмотреться кругом, как ветер задул с такой силой, что я вынужден был нагнуть голову, чтобы не потерять равновесие. Порыв прошел, я поднял голову и вдруг заметил свет...

Свет шел из павильона. Это не был неподвижный свет. Он виднелся то в одном месте, то в другом, точно кто-то переходил из одной комнаты в другую, держа лампу или свечу в руках.

Я был изумлен: ведь, всего лишь несколько часов назад, я видел запертые наглухо ставни... Я видел, что павильон совершенно пуст, теперь он оказался обитаемым, и притом создавалось такое впечатление, что в нем находится много людей.

Первое, что пришло мне в голову, – это не забралась ли в павильон воровская шайка, грабящая все, что в нем есть ценного. Вспомнилось, что у Норсмаура было много старинной посуды и других дорогих вещей. Но с какой стати воры забрались бы в такую далекую и пустынную местность? Зачем при грабеже освещать окна? Это совершенно не в манерах воров: воры, напротив, тщательно закрыли бы все ставни, чтобы никто их не заметил.

Мысль о ворах я признал несостоятельной. Не переставая наблюдать за павильоном, я стал подыскивать другие объяснения.

Не приехал ли, во время моего сна, сам Норсмаур и теперь осматривает или проветривает комнаты?

Я уже говорил, что между этим человеком и мной никогда не было настоящей привязанности, но если бы даже я любил его как родного брата, все же мое одинокое спокойствие было мне дороже, и я употребил бы все средства с ним не увидаться. Поэтому я тотчас повернул обратно в лес, чтобы меня не заметил кто-либо из приехавших. Я благополучно добрался до своей пещеры и с великим наслаждением снова присел к костру. Я с удовольствием думал, что удалось избежать встречи. Утром же можно будет удрать из этого места, пока Норсмаур не выйдет из павильона, или сделать ему визит, но коротенький и продолжительный которого я буду сам определять. Мне сделалось даже весело, я переживал радости одиночества.

Утром, однако, мое настроение изменилось. Положение представилось настолько забавным, что я даже упрекнул себя за вчерашние опасения. Норсмаур теперь в моей, так сказать, власти. С ним можно устроить славную шутку, и я даже придумал какую, хотя и знал, что он человек, шутки с которым далеко небезопасны.

Заранее радуясь несомненному успеху задуманной мной шутки, я направился к выходу из леса и занял очень удобную наблюдательную позицию в густой бузинной чаще, которой заканчивался лес, совсем близко от павильона. Прямо напротив меня была парадная дверь.

Здесь ставни слева были заперты; это мне показалось несколько странным и при свете раннего утра сам павильон, с его белыми стенами и венецианскими окнами казался чистеньким и обитаемым.

Я стал ждать выхода Норсмаура. Однако час шел за часом – ставни не отпирались, из двери никто не выходил: ни Норсмаур, ни прислуга.

Я знал, что утром Норсмаур любит валяться в постели, – а прислугу, быть может, он на ночь отпустил, – и потому решил терпеливо ждать, так как для успеха моей шутки Норсмаур должен был сперва сам показаться. Однако к полудню терпение мое совершенно иссякло. По правде сказать, я дал себе слово позавтракать в павильоне вместе с Норсмауром и ушел из пещеры, даже не закусив, и теперь голод не давал мне покоя. Досадно было упустить благоприятную обстановку для моей веселой шутки, но «голод не тетка»; надо было отказаться от всяких эффектов и просто явиться к Норсмауру.

Я вышел из засады и направился к павильону. Чем ближе я подходил, тем сильнее возрастало мое удивление и, отчасти, беспокойство. Павильон представлялся совершенно таким же, как накануне, когда перед вечером я к нему подошел впервые и был поражен его покину-

тым, мертвым видом. С приездом жильцов должны были появиться и признаки жилья... Но нет – ставни снова казались заколоченными, из печной трубы не шло дыма, на парадной двери висел массивный замок... Следовательно, Норсмаур вошел ночью через черный ход – таков был мой естественный логический вывод. Каково же было мое изумление, когда, обойдя дом, я увидел и на задней двери висячий замок!

Я тотчас вернулся к первой моей гипотезе о ворах и даже крепко выругал себя за свое пассивное поведение ночью: надо было поднять тревогу, нужно было разогнать воров, надо и теперь что-нибудь сделать. Я стал рассматривать все окна нижнего этажа: все ставни были закрыты, ни на одном не оказалось следов взлома, я попробовал замки – оба были целы и заперты.

Как же могли воры, – если это были воры, – проникнуть в павильон? Забыв про голод, я весь ушел в решение этой задачи. «Если не через двери и не через нижние окна, – рассуждал я, – то через второй этаж или через крышу»... К павильону почти примыкал амбарчик. Я вспомнил, что Норсмаур в нем хранил свои фотографические принадлежности и проявлял снимки. На крышу амбарчика легко взобраться, а оттуда, взломав окно кабинета Норсмаура или бывшей моей спальни, – проникнуть в дом.

И я сам последовал этому предполагаемому примеру. Очутившись на крыше амбара, я стал пробивать ставни, обе были изнутри заперты!..

Но я решил настоять на своем. Я дернул с силой одну из половинок ближайшей ставни – она подалась и отворилась, но я себе больно, до крови оцарапал руку. Помню, что приложил рану к губам и с полминуты лизал ее, точно укушенный пес. В это же время я совсем машинально обернулся и поглядел на дюны и на дюнах ничего не заметил, а на море в нескольких милях от берега, по направлению к северо-востоку, заметил довольно большую шхуну или, быть может, яхту. Затем я приподнял окно и влез в комнату.

Не нахожу слов, чтобы передать, какое охватило меня изумление и как оно нарастало при последовательном обходе внутренних покоев. Нигде ни малейшего беспорядка. Напротив, все комнаты оказались убранными совершенно чисто, с безупречной аккуратностью, главное, недавно. Все лампы, все топки в каминах и печах были только что заправлены – оставалось лишь зажечь. Умывальники в спальнях были налиты свежей водой, постели приготовлены – даже одеяла отворочены. Но в спальне, их было заготовлено три, еще больше меня поразила роскошь убранства, совершенно непривычная для Норсмаура. Обеденный стол также оказался богато накрытым на три прибора, а в кладовой, на полках я нашел целый ряд заготовленных посуды с холодным мясом, дичью, овощами.

Ясно было, что ожидались гости. Но какие гости, почему гости? Норсмаур чуждался всякого общества, как и я... А затем, почему все эти приготовления сделаны ночью, скрытно от всех? И, наконец, почему ставни и двери снова заперты?

Я выбрался из павильона через то же самое окно, не забыв уничтожить все следы своего посещения, и направился в свою пещеру, чувствуя себя, с одной стороны, отрезвленным от фантастических мыслей о воровских шайках, но с другой, – страшно заинтересованным, чуть ли не лично задетым всем этим совершенно непонятным стечением обстоятельств.

Когда я вернулся на море, я снова увидел шхуну и, по-видимому, на прежнем месте. В уме вдруг блеснула мысль: не есть ли это яхта «Красный Граф», принадлежавшая Норсмауру? Не привезла ли она теперь хозяина павильона и его гостей? Но я не мог рассмотреть хорошо мне знакомый нос «Красного Графа» и его резьбу – шхуна была далеко и обращена к берегу кормой.

Глава II

Повествует о ночной высадке с яхты

Вернувшись в пещеру, я поставил варить овсянку и пошел напоить лошадь, о которой утром, против обыкновения, недостаточно позаботился. Утолив наконец свой страшный голод, я снова направился к опушке леса и снова констатировал отсутствие какой-либо перемены. Несколько раз еще я выходил наблюдать, но ни около павильона, ни на берегу, ни на дюнах не видел ни единого человеческого существа. Шхуна в открытом море – вот все, что связывало поле моих наблюдений с деятельностью или присутствием людей. Час за часом шхуна лавировала, по-видимому, бесцельно, – то к берегу, то от берега, – но как только стемнело, она решительно начала приближаться к берегу. Это еще более убедило меня, что на шхуне Норсмаур и его гости, и ночью они намерены высадиться. Быть может, ночная высадка находилась в причинной связи с таинственными приготовлениями прошлой ночью, но чтоб это решить, надо было ждать, пока прилив покроет всю отмель и другие опасные места, служившие надежной охраной Граденского берега от вторжений с моря.

В течение дня ветер непрерывно ослабевал, и волнение в море постепенно затихало, но к вечеру снова поднялась бурная погода. Ночь была совсем черная. На море то и дело налетали шквалы с шумом пушечной пальбы, лил сильнейший дождь, а прибой гудел еще более зловеще, чем накануне.

С наступлением темноты я занял свою наблюдательную позицию в бузиннике. Я видел, как на верхушке мачты поднялся яркий фонарь, который показал мне, что шхуна еще больше приблизилась к берегу, чем перед сумерками. Я предположил, что фонарь дает сигнал для сообщников Норсмаура, скрывавшихся где-нибудь на берегу, и выступил из засады, чтобы лучше осмотреть пространство между павильоном и морем.

По краю леса шла узенькая тропинка, служившая кратчайшей дорогой между павильоном и главной усадьбой. Когда я посмотрел в сторону усадьбы, я вдруг заметил слабый огонек на расстоянии не более четверти мили. Огонек быстро приближался ко мне. Из неровного его освещения и непрямого пути можно было заключить, что он исходит из ручного фонаря, который нес пешеход, следовавший по всем извилинам тропинки. Иногда свет на минуту исчезал – очевидно, его прикрывали плащом, чтобы он не потух от порыва ветра, когда налетал шквал. Я снова спрятался в бузиннике и нетерпеливо, волнуясь, ожидал человека с фонарем. Это была женщина, а когда она поравнялась с местом моей засады, на расстоянии лишь немного более сажени, я сразу узнал ее черты. Это была старая управительница, или, точнее, сторожиха имени Норсмаура, она же и бывшая в его детстве няня. Я знал, что она очень молчалива и, вдобавок, глуха. Так вот кто был сообщником Норсмаура в этом таинственном деле!

Я тотчас же пошел за ней следом на очень близком расстоянии, не боясь быть ею замеченным, светлее не становилось, и от того, что она может услышать мою походку, – я был застрахован ее глухотой, а еще больше – ревом ветра и морского прибоя. Скоро она вошла в павильон, сразу прошла на верхний этаж, отворила ставни одного из окон, выходивших в сторону моря, и поставила на подоконник большую лампу. Это был ответный сигнал. Тотчас же на шхуне был спущен с мачты фонарь и потушен. Следовательно, все шло благополучно, по мнению участников ночного предприятия.

Старуха стала доканчивать приготовления к встрече: сквозь остальные, все еще запертые ставни, можно было рассмотреть огонек, блуждавший из одной комнаты в другую; вскоре из одной трубы вылетели искры, затем из другой – все печи, очевидно, были затоплены.

Я теперь совершенно был уверен, что Норсмаур со своими гостями тотчас высадится, как только прилив даст возможность подплыть к берегу, хотя бы на шлюпке. Но буря была чрез-

вычайно опасна для лодки, и к моему крайнему любопытству примешалась серьезная тревога за судьбу тех, которые рискнут высаживаться. Мой бывший знакомый несомненно был один из сумасброднейших людей в Соединенном королевстве, но то сумасбродство, которому мне, по-видимому суждено было стать свидетелем, грозило очень тревожной, даже совсем трагической развязкой.

Движимый самыми разнообразными чувствами, я пошел к бухточке, служившей почти единственным и, во всяком случае, лучшим местом для высадки, и здесь растянулся лицом к земле в небольшой выемке песчаного грунта. От нее до дороги, ведущей с берега к павильону, оставалось не больше шести футов, что давало мне возможность хорошо рассмотреть всех, кто будет проходить мимо, и немедленно приветствовать их, если окажутся знакомыми.

Незадолго до одиннадцати, когда прилив был еще совсем мал, вдруг близ берега показался фонарный огонь. Устремив все внимание на море, я почти тотчас различил и другой огонь, еще дальше от берега. Он сильно и непрерывно колебался, то вздымаясь, очевидно на волне, то исчезая за бурным валом. Вероятно, усиление бури и чрезвычайно опасное для шхуны положение около подветренного берега побудили путешественников сделать попытку к высадке как можно скорее.

Высадка из первой лодки прошла, очевидно, благополучно, так как скоро на дороге появились четыре матроса, которые с трудом несли сундук, не особенно большой, но, по-видимому, чрезвычайно тяжелый, пятый матрос, с фонарем в руке, шел впереди, освещая путь. Все они прошли совсем рядом со мной и затем достигли павильона, где их поджидала старая няня. Потом они отправились снова к бухте, и скоро в третий раз прошли около меня с другим сундуком, который был больше первого, но, очевидно, не такой тяжелый, как первый. Наконец, они еще раз прошли в павильон с поклажей, которая сильнее всего затронула мое любопытство: один матрос нес кожаный чемодан, другие – чемодан и разные сумки, несомненно принадлежавшие какой-нибудь даме... У Норсмаура дама в гостях?! Значит, совершенно переменились его взгляды на женское общество, на женщин вообще. Когда я с ним жил вместе, павильон был храмом мизогинии. А теперь в павильоне поселяется «ненавистный пол»... Я не знал, что и подумать. Припомнил только, что при дневном осмотре павильона, я сам с удивлением заметил в убранстве комнат некоторые вещи, рассчитанные на дамские привычки и женское кокетство. Теперь понятно стало их назначение и вообще ясно, в чем дело: я мог только обругать себя «дураком» за то, что раньше сам этого не сообразил.

Пока я таким образом рассуждал, ко мне приблизился другой фонарь. Его нес матрос, не участвовавший в первой партии носильщиков. Он вел за собой двух лиц, это, несомненно, были те гости, которые ожидались в павильоне. Я обратил все свое внимание, чтобы получше их рассмотреть, когда они пройдут мимо.

Один из них был мужчина очень высокого, даже необыкновенно высокого роста. Он кутался в шотландский плащ с поднятым на дорожную шапку капюшоном, кроме того, капюшон был застегнут на все нижние пуговицы и потому совершенно скрывал черты его лица. Высокий человек передвигался очень медленно – тяжелыми, неуверенными шагами. Сбоку – он не то держался за спутника, не то поддерживал его (я не мог этого разобрать) – шла высокая женщина, с изящной и тонкой фигурой молодой девушки. Лицо ее поразило меня своей бледностью и озабоченностью; последнее впечатление до такой степени покрывало все остальные, что, когда женщина скрылась, я не мог сказать: безобразна ли она как смертный грех или так прекрасна, как потом я ее находил.

Перед тем как эти путники поравнялись со мной, девушка сделала высокому мужчине какое-то замечание, которое я из-за воя ветра не мог расслышать.

Я услышал лишь ответ мужчины. Это было слово «ой» – глубокий стон. Его голос меня совершенно поразили. Он, казалось, исходил из глубины груди, охваченной, стесненной величайшим ужасом. Никогда я не слыхал прежде такого выразительного восклицания ужаса и

страха. До сих пор оно звучит в моих ушах, когда ночью появляется у меня лихорадка или когда в памяти воскресают события того времени.

Тут мужчина обернулся к спутнице, и я мельком заметил большую рыжую бороду, нос необычной формы, – точно он сломан был в детстве, и светлые глаза, выражавшие сильнейшую тревогу.

И эти спутники скоро достигли павильона. Когда сопровождавшие их матросы вернулись к бухте, ветер донес звуки грубого голоса, командовавшего отчаливать. Затем показался снова фонарь – третий.

Его нес Норсмаур. Он шел один.

Удивительный это был человек! Часто мы с женой его потом вспоминали, и несмотря на некоторые различия в оценке его особенностей и поступков, – такие второстепенные различия зависели, быть может, оттого, что жена судила о них с женской точки зрения, а я с мужской, – мы неизменно сходились в общем удивлении: как мог один и тот же человек одновременно представляться и таким прекрасным, и таким отталкивающим, каким являлся Норсмаур? С одной стороны, это был совершеннейший джентльмен, лицо которого дышало интеллигентностью, умом, благородной отвагой; с другой – стоило только приглянуться к этому лицу, – даже в те минуты, когда Норсмаур был особенно любезен и привлекателен, – вы в его чертах ясно читали характер корсара или капитана корабля, везущего рабов-негров на продажу. В своей жизни я не встречал более вспылчивого и в то же время более злопамятного и мстительного человека. В нем соединились бурные страсти южанина с выдержанной злобой и смертельной ненавистью северянина. На его лице постоянно отражались эти две основные черты характера, придавая ему грозный вид. По наружности это был высокий, крепкий, очень деятельный, сильный брюнет, с несомненно красивыми чертами лица, которое, однако, как я уже сказал, часто искажалось его грозным и злобным выражением.

В ту минуту, когда он проходил с фонарем, он мне показался более бледным, чем обыкновенно, я отчетливо увидел его сильно нахмуренные брови. Губы его что-то нервно шептали. Вдруг он оглянулся кругом с видом человека, озабоченного глубокими опасениями. Мне показалось, что взгляд его тут же прояснился и выразил торжество, точно он увидел, что трудное дело успешно совершилось.

Отчасти из чувства деликатности, – должен признаться, что оно пробудилось у меня слишком поздно, – отчасти, чтобы доставить себе удовольствие, поразив неожиданностью старого знакомого, я решил тотчас обнаружить свое присутствие.

Я внезапно вскочил на ноги и выступил вперед:

– Норсмаур! – воскликнул я.

Произошло что-то поразительно неожиданное. Я видел, как он мгновенно бросился на меня, как что-то блеснуло в его руке, и я почувствовал боль: он ударил меня кинжалом по направлению к сердцу. Но в то же мгновение и я так сильно ударил его кулаком, что он сразу упал – показалось даже, что перекувырнулся.

Выручили ли меня моя ловкость и проворство или некоторая нерешительность с его стороны, это уж я не знаю, но лезвие кинжала лишь скользнуло по моему плечу, в то время как удары рукояткой и кулаком пришлись мне прямо в рот.

Я убежал, но недалеко. Я так часто прежде гулял по этой местности и в эти сутки несколько раз ее исходил внимательно наблюдая разные выступы и выемки в песчаных холмах, годные для засады, что легко скрылся и в нескольких саженях от места стычки, снова спрятался в траву. Фонарь исчез. Очевидно, он выпал из рук Норсмаура и потух. Но каково было мое изумление, когда, посмотрев на павильон, я увидел, что добежав до него, Норсмаур одним прыжком вскочил на крыльцо, бросился к двери, и тотчас послышался лязг поспешно задвигаемого железного болта!

Он меня не преследовал. Он от меня убежал. Норсмаур, которого я знал, как самого отчаянно смелого и непреклонного в злобе из людей, бежал!

Я прямо не верил своим чувствам. Не знал что и думать. Однако, успокоившись, я рассудил, что во всей этой удивительной, прямо невероятной, истории лишняя несообразность, – одной невероятностью больше или меньше, – не имеет значения. Действительно, почему павильон с такой тайной приготавлился к приезду Норсмаура и его гостей? Почему Норсмаур произвел высадку ночью, при сильной буре, при опаснейшем ветре, когда засасывающие пески почти не успели покрыться водой? Почему он хотел меня убить? Или он не узнал моего голоса? И, главное, почему в его руке был наготове кинжал? Сам выбор такого, по меньшей мере, несовременного в цивилизованной Англии оружия, как кинжал, является чрезвычайно странным. Все дико, все несообразно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.